

САМОЦВЕТНОЕ СЛОВО УРАЛА

К столетию со дня рождения Павла Петровича Бажова

ЯНВАРЬ. А у памятника — цветы... Они часто навоят на размышления. Особенно когда красные гвоздики и суровый ветер...

Зима у нас на Урале переменчивая, как капризная красавица. То прижмет мороз, этак до сорока—сорока пяти. То нальнет теплынь—снег с моросью, сосульки с крыш. Потом опять лютая стужа, непрерывные шквалы под чистым небом — вьюга-пониловка.

А народ — ничего. Уравновешенный, спокойный. Хоть и озорной, потому что молодой. Более половины — моложе тридцати. Веселая толкотня у магазинов, у кино, у театров, в столовых и кафе. Трудно стало Свердловску улаживать своих многочисленных жителей: омилионился давненько, а все не готов к этому. Выручает выдержка, невозмутимость, привычка. Все заняты, все спешат: город рабочий и студенческий. Холодно, а не угрюмисто.

— Девушки! Брючки не отморозьте!..

— У тебя нос побелел, оттирай скорее! — несется смешливый ответ на расхожую остроу. И парень шоркает снегом красную физиономию, пока не поймет, что его разыграли...

Цветы в такую стынь не вянут. Леденеют, окаменевают. Лежат, словно свежие, у бюста ироничного бородача с усталыми глазами. На постаменте — лаконичное: «Павел Петрович Бажов». Стоит он посредине главного проспекта на плотине над центральным городским прудом.

Я умышленно подчеркнул: «главный», «центральный». Для нас, уральских литераторов, всеобщая любовь «опорного края державы» — Бажов — далеко впереди поставленная веха на пути развития прозы. Вершина. Ориентир.

Понимаю, мои мысли полемичны, спорны. И, развивая их, ратуя за них, не обольщайся, что все немедля согласится со мной. Но по населению наша страна уже не крестьянская — рабочих больше, чем крестьян, а по литературе пока этого еще не скажешь. Художественное освоение действительности не поспевает за ее стремительным развитием. Даже по самому селу. Сколько пишут книг о том, как там умирает старый уклад, а как растет народившийся сельскохозяйственный рабочий класс, мало что прочтается.

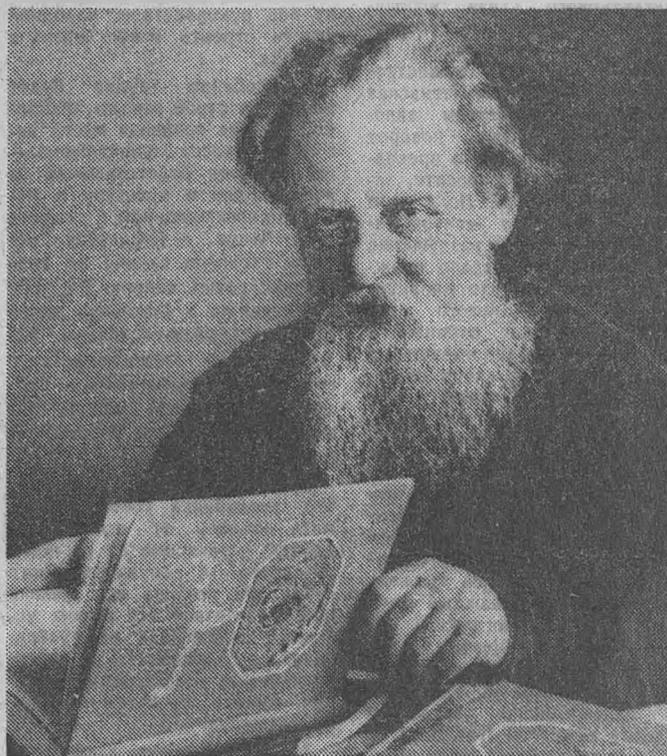
Наш Бажов — один из истинных «певцов рабочего класса». Это утверждено теперь прочно.

УТВЕРЖДЕНО. И все-таки в потоке юбилейных материалов подчас тонет главная «рабочеклассовая» особенница Бажова. Его философия коммуниста, провозгласившего, что самые прогрессивные морально-этические, нравственные ценности нашего народа исходят не из недр патриархальной деревни.

Весьма деликатная штука — такое соображение. Но литераторы, художественно осваивающие современную советскую реальность, должны об этом думать? — говорю я себе. Мы исходим из марксистско-ленинского учения, которое отводит рабочему классу вполне определенное, ведущее место в историческом процессе, и в нашем обществе ныне большинство представляют рабочие, хотя многие из них, из нынешней

советской интеллигенции, — дети крестьян или их внуки. И как наше общество преобразуется, как идет вперед, развивается, достигает намечаемых партийных высот! Подумаешь, и дух захватывает от обилия тем, конфликтов, сюжетов, коллизий, перипетий, выявляющих сильнейшие характеры наших современников... Работать нам да работать!

Заглянем в Бажова. По пово-

Павел Петрович Бажов с книгой «Малахитовая шкатулка». Фото И. Тюфякова (Снимок сделан в 1939 году).

ду своей повести для детей он писал как-то: ...«отмечают: «живо, весело, занятно» и коротенько передается содержание. Вот и все, а о главном никто даже не упоминает. Хотелось по-другому показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье, в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в «Растеряевой улице», в подъячевских рассказах или даже в чеховских «Мужиках». Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не слабосильными росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи воровали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа.

...Ребята очень рано начинали себя сознавать ответственными членами семьи. Пойти на рыбалку значило «добыть на ушку, а то и на две», сходить в лес — принести ягод или грибов. Причем количественные и качественные показатели нередко проверялись совсем посторонними людьми. «Ну-ка, покажи, что наловил! Сколько набрал?» И ты волнуешься, что скажет этот неожиданный судья. А дома эти показатели подвергаются дополнительному обсуждению...

Разве это не интересные явления общественного воспитания?

А спорт и соревнование прошлого в привычном для современного читателя виде не было, но ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчее, кто лучше плавает, лучше бегают,

более меток... Ведь это же все измерялось, проверялось, всячески взвешивалось. И еще «заединщина» — это явление не городское и не сельское, а именно заводское, своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием «наша смена, человек нашей смены».

Сколько лет назад такие глубины волновали Бажова!

В быстротекущей жизни не-

это — в его собственных произведениях. В нашем краю Бажова знают люди с детства. Читали его если не все, то почти все, очаровываясь своеобразием, яркостью, занимательностью, образностью языка. Но иногда — и не вдумываясь, что читают сказ. Сказ, а не сказку! Мудрое сказанье, притчу, не потешку. Бажов прежде всего мыслитель. В его сказах — противоположение творческого труда ремесленному, новаторства — добросовестному подражательству. И вечные проблемы наставничества и ученичества в рабочем мастерстве. И трактовка — чем отличается рабочий-художник своего дела от педанта — формального переподка.

Певец рабочего класса был певцом вечной творческой неудовлетворенности достигнутым, фантазии, артистичности мастера, радости покорения материала, умелости, сноровки, страсти проникнуть в тайны непознанного. Его герои мечтают, когда настанет время, что «отнимут, подика, люди у золота его силу». Они уважают искусность, красоту работы, душевный огонь в ней, труд «дороже денег ставят»... Как он, Бажов, в своих произведениях чужд благодушию, сентиментальности и ныне кое у кого модной, безбрежной, иногда и беспринципной доброты! Он — воинствующий гуманист, выразитель истинно передового мировоззрения. Боец. Недаром у него такая богатая биография интеллигента-революционера из потомственной рабочей семьи. Наверное, именно поэтому он особенно любим у нас на Урале, давшем стране так много замечательных руководителей промышленности, обороны, деятелей партии и государства.

Глубокие мысли предопределяют и яркость слова, его необычность, выразительность. О языке Бажова филологам предстоит написать не одно исследование. В нем все коренные особенности живого народного языка. Образность и жизнерадостная эмоциональная окраска, основанная на столь свойственном рабочему человеку юморе, то лукаво-простодушном, то едком и язвительном, пронизывающем самую ткань речи...

И за это любят у нас на Урале, «на перекрестке говоров России», писателя Бажова.

Иной раз о рабочем классе пишут смесь языка технологического с канцелярским. Я горячо-горячо рекомендовал бы нашей смене — молодым литераторам, дерзающим рассказывать о жизни заводчан: читайте Бажова. Читайте, потом пойдите послушайте, как изъясняются меж собой сталеваляры, прокатчики, горняки, все другие «воины отечественной индустрии». И, убедившись в сходстве, опять читайте отчеканенное в великих ювелирных трудах Бажова, емкое, самоцветное, звонкое слово...

Думая о нашем выдающемся земляке, я вспоминаю солдатскую клятву Анны Ахматовой, написанную в трудную для Родины пору: «И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово. ...Навеки!»

И такие, как Бажов, как его книги, укрепляют в вере, что клятва эта нерушима.

Вадим ОЧЕРЕТИН.

СВЕРДЛОВСК.

редко поздненько приходит истая слава к истым труженикам нашего писательского дела. Бажов никогда не числился ни в какой обойме знаменитых имен у обозревателей литературы. Интервью не давал, на форумах не умствовал, по линии Бюро пропаганды Союза писателей не выступал, на радио не записывался, на телеэкране не показывался. Работал, работал и работал. За столом, наедине со словом. А в людях был активнейшим народным депутатом, главой местной писательской организации, редактором нашего альманаха, впоследствии перешедшего в журнал «Урал».

Лауреат Государственной премии СССР, награжденный орденом Ленина, Бажов был очень скромным. Девять десятых его книг вышло после его смерти, если считать количество изданий. Сейчас их тираж превысил 160 миллионов да еще издания за рубежом на 20 языках мира.

Старые офицеры рассказывают. Маршал Г. К. Жуков дружил с Бажовым, когда командовал Уральским военным округом, и однажды предложил:

— Поедте со мной, Павел Петрович, на учения. Выступите. Солдаты и командиры вас послушают с удовольствием.

— Нет уж. Пусть войска лучше слушает вас, — ухмыльнулся Бажов. — А меня читают в свободное время.

ОБИЛЬНЫЕ мемуары о нем на преобладающую тему «Бажов и я» мало говорят о том, как он много работал, о его мировоззрении, об идеях, внесенных им в литературу. Все